DOI 10.51522/2307-0382-2021-230-7-15-21

УДК 334.241.8

И. В. ДВОРЯНСКОВ

главный научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения уголовных наказаний без лишения свободы НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор, майор внутренней службы

Москва

IVAN V. DVORJANSKOV

Chief Researcher of the Department for the Development of Methodologies for the Execution of Criminal Sentences without Imprisonment of the Research Center-2 of the Federal Governmental Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia»,
Doctor of Law, Professor, Major of the Internal Service

Moscow

Доктринальные основы целеполагания в институте наказания

Doctrinal foundations of goal-setting in the institute of punishment

Аннотация. В статье рассматриваются доктринальные (научные) основы целеполагания в институте наказания, вопросы эволюции и современного содержания целей наказания, теоретические подходы к их формированию и связи с концептуальными положениями уголовной политики государства, факторы и критерии целеполагания в уголовном праве. Дается анализ современного состояния и перспектив регламентации целей наказания и их правовой регламентации.

Предметом статьи выступили памятники отечественного права и современное российское законодательство, научная литература по теме работы.

Цель исследования – на основе изучения правовой природы, доктринальной базы, социальной обусловленности целей наказания выявить проблемы их соответствия современной уголовной политике России. Методологическую основу исследования составили диалектический метод, анализ и синтез; сравнительно-правовой;

Abstract. The article examines the doctrinal (scientific) foundations of goal-setting in the institute of punishment, the evolution and modern content of the goals of punishment, theoretical approaches to their formation and connection with the conceptual provisions of the state's criminal policy, factors and criteria for goal-setting in criminal law. The analysis of the current state and prospects of regulation of the goals of punishment and their legal regulation is presented.

Monuments of domestic law and modern Russian legislation, scientific literature on the topic of the work are the subject of the article.

The purpose of the study is to identify the problems of compliance of the goals of punishment with the modern criminal policy of Russia on the basis of studying the legal nature, doctrinal base, and social conditionality of the goals of punishment. The methodological basis of the research was formed by the dialectical method, analysis and synthesis: comparative and legal; retrospective; formal legal; logical; comparative. Specific scientific methods

ретроспективный; формально-юридический; логический; компаративный. Применялись и частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм.

В результате проведенной работы изучены доктринальные основы, эволюция и современное правовое регулирование целей наказания, дан критический анализ современных целей наказания, предложен подход к их трансформации.

Данные решения положительно отразятся на эффективности уголовного наказания, уголовной политики России, позволят рационально распределять ресурсы уголовно-исполнительной системы без ущерба ее авторитету, избежать предъявления сотруднику уголовно-исполнительной системы завышенных и подчас невыполнимых требований.

Сделаны выводы о необходимости законодательной реформы концепции целей наказания. Данная проблема представляется далеко не праздной, поскольку от ее решения зависит эффективность судебной и уголовно-исполнительной деятельности.

Ключевые слова: доктринальные основы, целеполагание, уголовное наказание, уголовная политика, эволюция, правовые основы, цели наказания, состояние и перспективы.

were also used: legal-dogmatic and the method of legal norms interpreting.

As a result of the work carried out, the doctrinal foundations, evolution and modern legal regulation of the goals of punishment were studied, a critical analysis of the modern goals of punishment was given, an approach to their transformation was proposed.

These decisions will have a positive effect on the effectiveness of criminal punishment and Russia's criminal policy, will allow the rational allocation of the resources of the penal system without prejudice to its authority, and avoiding the excessive and sometimes impossible requirements to an employee of the penal system.

Conclusions are made about the need for legislative reform of the concept of punishment goals. This problem is far from being a trifle one, since the effectiveness of judicial and criminal-executive activity depends on its solution.

Key words: doctrinal foundations, goals setting, criminal punishment, criminal policy, evolution, legal framework, goals of punishment, state and prospects.

12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки)
Criminal Law and Criminology; penal law (legal sciences)

Проблема эффективности форм и методов реализации уголовной ответственности была и остается одной из ключевых для уголовной политики, поскольку важнейшей функцией государства является охрана интересов общества по обеспечению неприкосновенности и стабильному существованию основных социальных ценностей: личности, собственности, экономической деятельности, правопорядка, государственной и общественной безопасности, а также предупреждение преступлений как наиболее опасных форм правонарушающего поведения, снижение влияния криминогенных факторов. Институт наказания, будучи важным инструментом социального управления,

должен соответствовать меняющимся потребностям в противодействии преступности, современному развитию ментальных, научных, правовых, а также этических и нравственных основ общества.

В этой связи необходимость исследования доктринальных основ целеполагания в институте наказания в настоящий момент как никогда ощутима и актуальна. При разработке концепции уголовной политики, изменений в законодательстве, особенно на длительный период, есть соблазн механически перенимать зарубежный опыт, не анализируя отечественный. Это, разумеется, неправильно. И дело здесь не только в национальной гордости и патриотизме. Те правовые явления, которые зарекомендо-

вали себя эффективными за рубежом, не всегда могут быть имплементированы в нашу правовую реальность именно в силу несоответствия доктринальным постулатам отечественной правовой науки. Такое заимствование, без учета закона преемственности, как минимум является бесполезным, а как максимум – может привести к созданию серьезных препятствий в функционировании системы правосудия и к другим негативным последствиям. Примером могут служить периодические попытки внедрения в отечественное уголовное право института уголовной ответственности юридических лиц, который никоим образом не согласуется с исторически характерным для нашей правовой традиции принципом личной (виновной) ответственности. Этот же принцип имеет непосредственное значение и для пенологического целеполагания, поскольку цель наказания непосредственно связана с его объектом.

Следует сказать, что словосочетание «уголовное право» характерно только для нашей страны. В остальном мире наименование отрасли права, которая определяет преступность и наказуемость деяний, принято связывать с терминами «преступление» и «наказание», например, *Criminal law* (англ.), *das Strafrecht* (нем.), *Droit pénal* (фр.), *Derecho penal* (испан.), *Diritto penale* (итал.), *Straffrätt* (швед.), *Наказателно право* (болгар.), *Кривично право* (серб.), *Кримінальне право* (укр.), *Крымінальнае права* (белорус.) и так далее.

Почему же у нас традиционно используется словосочетание «уголовное право»? Еще М. М. Сперанский в пояснениях к проекту Уголовного уложения Российской империи 1813 года указывал, что уголовные наказания «суть те, где дело идет о голове, то есть о жизни, *diminutio capitis*, а жизнь каждого лица в обществе есть тройная: физическая, политическая и гражданская; две последние именуются правами

состояния. Всякое наказание, непосредственно удручающее или умаляющее бытие или состояние лица, есть наказание уголовное» [1].

Полагаем, что термин «уголовное право» связан с древнерусскими понятиями «голова», «отвечать головой», но в несколько другом значении. Так, в словаре В. И. Даля, кроме значения «часть тела», голова определяется также как «лицо, особа, особь, душа, человек» [2]. Соответственно, отвечать головой – это отвечать за содеянное лично, непосредственно. Таким образом, издревле в отечественном уголовном праве был закреплён принцип личной (персональной) ответственности. Сегодня он в определенной мере трансформировался в принципы вины и справедливости.

Концептуальный (исторически сформировавшийся) взгляд на личность преступника, ее права и интересы в качестве объекта карательного воздействия (наказания) обуславливает актуальность вопроса о роли наказания, его как подтвержденных практикой возможностях, так и потенциале в противодействии преступности, и, соответственно, о целях этого правового института.

Целеполагание в наказании, то есть постановка перед ним определенных целей – это незаслуженно мало исследованный аспект пенологии, который вместе с тем ключевым образом определяет как содержание, так и формы карательной политики.

Как известно, цель – это ожидаемый (промежуточный или конечный) результат какой-либо деятельности. Однако, категория «цель» применительно к изучаемому вопросу не так проста, как кажется на первый взгляд. Сам институт наказания и его цели исторически изменчивы и, безусловно, зависимы от господствующих на определенном этапе эволюции общественных представлений о добре и зле, о преступлении и наказании, о возможностях и гра-

ницах (допустимых характере и степени) принудительного (карательного) воздействия на преступность, а также воззрениях на природу и причины преступности. При этом нельзя отрицать и преемственности в развитии этих институтов. Эволюция целей наказания, как показывает ретроспективный взгляд на сочетание этих институтов в разные периоды отечественной истории, связана с развитием представлений о природе преступления, его детерминации, а также с постепенной десакрализацией наказания, отходом от представлений о преступлении как о грехе и наказании как реализации Божественной воли. С переходом к рациональному (научному) объяснению природы и причин преступности менялись и цели наказания. Однако с середины XIX века и по настоящее время наблюдается оппозиция двух доктринальных подходов: классического и социологического. Для ее иллюстрации обратимся к существующей в настоящее время цели исправления осужденных.

В первую очередь отметим, что эта цель молодая и относительно новая для отечественного уголовного права, поскольку появилась она лишь в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года (далее – УК РСФСР 1960 года). Если в дореволюционный период цели наказания сводились к устрашению и возмездии за совершенное преступление, то с приходом советской власти все резко меняется. Цели наказания стали носить ярко выраженный социальный характер, что было обусловлено новой государственной (социалистической) идеологией. В Уголовном кодексе РСФСР 1922 года мы в качестве целей видим:

- предупреждение новых правонарушений;
- приспособление нарушителя к условиям общежития;
- лишение преступника возможности совершать новые преступления;

– правовую защиту государства трудящихся от преступлений и общественно опасных элементов путем применения к нарушителям наказания или других мер социальной защиты.

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года целью мер социальной защиты являлось общее предупреждение новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других лиц. И только в УК РСФСР 1960 года были закреплены цели более-менее близкие к существующим. В статье 20 говорилось: *«Наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами»*.

Наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» [3].

Очевидно, что данная совокупность целей представляла собой эклектичный конгломерат, сочетающий догматы классической и социологической школ уголовного права и поэтому, на наш взгляд, не имеющий крепкого доктринального фундамента. Представляется, это было обусловлено исторической целесообразностью отхода от намного более цельной и научно обоснованной, но скомпрометировавшей себя уголовной политики сталинского периода. Иными причинами трудно объяснить откат к устаревшим уже на тот период и буржуазным, по сути, концепциям.

Вместе с тем, полноценной замены прежней пенологической доктрины так и не было предложено. И это травматическое наследие советского периода было в практически неизменном виде реципировано и действующим уголовным законом.

Концепция исправления восходит еще к кантовскому категорическому императиву. Оценивая природу человека как злую, И. Кант писал: «Если человек в моральном смысле бывает или должен быть добрым или злым, то он сам себя должен делать или сделать таким...» [4]. При этом он сам же признает: «Каким же образом может злой по природе человек сам себя сделать добрым, – это выше моего понимания...» [5].

Другой представитель классической школы И. Бентам в трактате о рациональной тюрьме выдвинул цель, объединяющую исправление и частное предупреждение. В дальнейшем ее разрабатывали Грольман, Штельцер, Аренс, Редер, которые считали исправление основной целью наказания [6].

Сущность учения классической школы о целях наказания определяется одним из тезисов: усиливая наказание, общество делает преступление менее привлекательным, что позволяет удерживать людей от его совершения.

К сожалению, этот тезис ни разу в истории не был подтвержден практикой. Так, смертная казнь, будучи самым строгим наказанием, просто не применялась бы, поскольку ее страх удерживал потенциальных преступников от совершения деяний, за которые она предусмотрена. Однако фактически назначение смертной казни в тех странах, где ее применение предусмотрено законодательством, ничуть не снижается.

Идея исправления в социологической школе воспринимается весьма неоднозначно и увязывается с влиянием среды на человека.

Э. Дюркгейм писал, что «наказание играет полезную роль. Только роль эта не в том, в чем ее обычно видят. Она не служит – или служит второстепенным образом – для исправления виновного или для устрашения его возможных подражателей; с обеих этих точек зрения польза его, по

справедливости, сомнительна и во всяком случае посредственна. Его истинная функция – сохранить в целостности общественную связь, удерживая всю ее жизненность в социальном сознании» [7, 8].

В XIX веке итальянские криминологи Э. Ферри и Р. Гарофало разработали концепцию опасного состояния преступника, суть которой заключается в том, что преступника надо не карать, а выводить из состояния повышенной склонности к преступлению (и до тех пор, пока это не сделано, изолировать). Это имеет весьма отдаленное отношение к исправлению, а скорее к исцелению, поскольку преступность рассматривалась как социальная болезнь [9]. Кстати, именно эта концепция была воспринята в качестве доктринальной основы наказания в советском уголовном праве первой половины XX века.

Таким образом, понимая преступность как социальное явление, детерминированное обстоятельствами внешней (социальной) среды, представители социологической школы рассматривают исправление как феномен в связке с таким понятием, как причины преступности. При этом проблемы коррекции преступных наклонностей и то, скорее, в психобиологическом, а не социальном смысле, разрабатывались в рамках клинической криминологии. Что касается социологической криминологии, то она не рассматривает наказание как сколь-нибудь эффективное средство исправления. Так, американский криминолог Э. Сатерленд объяснял преступность исключительно на основе факторов социальной жизни. Он писал, что преступное поведение ничем принципиально не отличается от других форм человеческой деятельности, человек становится преступником лишь в силу своей способности к обучению, в том числе и усвоению криминальных образцов поведения в случае, если они чаще попада-

ются ему на глаза, и у него устанавливается тесная связь с их носителями [10].

Возвращаясь к современности, отметим, что целеполагание в наказании должно иметь твердую научную основу, которая к тому же не может быть противоречива в самой себе. Как уже отмечалось, сегодняшнее целеполагание представляется эклектичным, поскольку опирается на оппозиционные доктринальные положения различных научных школ. Если восстановление социальной справедливости и предупреждение (в аспекте общей превенции) вытекают из постулатов социологической школы, то исправление, нацеленное на локальную (внутреннюю) личностную трансформацию преступника и в этом смысле игнорирующее социальную (внешнюю) детерминацию преступности, – наследие классической доктрины XIX века. При этом, разумеется, исключать факт исправления нельзя. Но оно не может быть целью наказания, представляющего собой кару или, по меткому выражению Нильса Кристи – причинение боли [11], а должно рассматриваться как комплексный и в большей степени как длительный постпенитенциарный процесс, сочетающий в себе социальную и профилактическую работу с привлечением представителей гражданского общества. В этом смысле показателен зарубежный опыт пробации [12].

Конкретные предложения о целеполагании в современном институте наказания нами делались ранее [13].

Типичные ошибки в целеполагании можно свести к следующим:

- а) научная несогласованность (концептуальная противоречивость);
- б) криминологическая необоснованность;
- в) практическая неверифицируемость;
- г) излишняя абстрактность и декларативность (речь идет, в частности, о цели восстановления социальной справедливости, ибо как можно восстанавливать то,

что должно быть незыблемым аксиологическим ориентиром).

Подводя итог сказанному, отметим, что уголовное право регулирует применение наиболее строгих мер реагирования в отношении самых опасных форм девиантного (отклоняющегося от норм) поведения человека – преступлений. Но это же обстоятельство обуславливает узконаправленный (адресный) характер уголовно-правового воздействия. Не следует рассматривать наказание как панацею от всех проблем общества. Его специфика состоит в том, что, имея дело с уже совершенными преступлениями как событиями прошлого, оно располагает весьма ограниченным ресурсом конструктивного влияния на будущее, в том числе и в аспекте превенции. Поэтому, не умаляя значение уголовно-правовых средств, полагаем, что их эффективность во многом обусловлена сочетанием с системой профилактики преступлений и других правонарушений, а также мерами социального, экономического, политического характера, способствующими снижению влияния криминогенных факторов.

Эффективность воздействия на преступность, очевидно, должна быть основана на доктринально обоснованном целеполагании, сочетающем социальную адекватность, справедливость, точность, адресность, соизмеримость, и, соответственно, темпоральную устойчивость достигаемого эффекта. Нельзя забывать, применяя наказание, мы не доказываем обществу, что боремся с преступностью, а восстанавливаем нарушенные преступлениями социальные связи, в том числе связь между преступником и обществом. Последняя предполагает для виновного определенные отрицательные последствия лишь в начале и только для того, чтобы через страдание преодолеть отчуждение, прийти к прощению и искуплению вины. Этот путь и есть исправление [14]. ♦

1. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая: лекции. СПб, 1902. Т. 1. С. 6–7.
2. Словарь Даля // Slovar.cc [сайт]. URL: <https://slovar.cc/rus/dal/542818.html> (дата обращения: 29.01.2021).
3. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 б/н // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/2/page/1> (дата обращения: 07.05.2021).
4. Кант И. Религия в пределах только разума. Метафизика нравов / под общ. ред. А. В. Гulyги. В 8 т. Т. 6. М. : Чоро, 1994. Т. 6. С. 46.
5. Там же. С. 47.
6. Иниаков С. М. Зарубежная криминология. М. : Юнити-Дана, 2003. С. 28–30.
7. Дюркгейм Э. Метод социологии. Киев, Харьков, 1899. С. 79.
8. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда (этюд об организации высших обществ). Одесса, 1900. С. 85.
9. Иниаков С. М. Указ. соч. С. 71–81.
10. Там же. С.161.
11. Кристи Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике / под общ. ред. Я. И. Гилинского. СПб. : Алетей, 2011. 17 с.
12. Дворянсков И. В., Сергеева В. В., Баталин Д. Е. Применение альтернативных видов наказания в Западной Европе, США и России (сравнительно-правовое исследование). М. : РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия, «Penal Reform International», 2004. С. 37–39.
13. Дворянсков И. В. Институт наказания в перспективе развития уголовной политики России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 9. С. 10–16.
14. Дворянсков И. В. Эффективность альтернативных наказаний. М., 2005. С. 83.

1. Tagantsev, N. S. (1902) *Russian Criminal Law*. General part: lectures. SPb, V. 1, pp. 6–7.
2. Dal's dictionary // Slovar.cc [site]. URL: <https://slovar.cc/rus/dal/542818.html> [Accessed 29th January 2021].
3. The Criminal Code of the RSFSR dated 27.10.1960 no number // President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/2/page/1> [Accessed 7th May 2021].
4. Kant, I., under general ed. of Gulyga, A.V. (1994) *Religion Within the Bounds of Bare Reason. Metaphysics of morals*. In 8 volumes, vol. 6. Moscow : Choro, V. 6 p. 46.
5. In the same ref. page 47.
6. Inshakov, S.M. (2003) *Foreign criminology*. Moscow : Unity-Dana, pp. 28–30.
7. Durkheim, E. (1899) *Sociology method*. Kiev, Kharkov, p. 79.
8. Durkheim, E. (1900) *On the division of social labor (study on the organization of higher societies)*. Odessa, p. 85.
9. Inshakov, S.M. Index of ref. pp. 71–81.
10. In the same ref. p.161.
11. Christi, N., under general. ed. of Gilinsky, Ya. I. (2011) *Causing pain. The role of punishment in criminal policy*. SPb. : Aletheia, p. 17.
12. Dvorjanskov, I. V., Sergeeva, V. V., Batalin, D. Ye. (2004) *Application of alternative punishments in Western Europe, the USA and Russia (comparative legal study)*. Moscow : Regional public organization Center for Assistance to Criminal Justice Reform, «Penal Reform International», pp. 37–39.
13. Dvorjanskov, I. V. (2020) The institution of punishment in the perspective of Russia's criminal policy development // *Bulletin of the penal system*. 9, 10–16.
14. Dvorjanskov, I. V. (2005) *The effectiveness of alternative punishments*. Moscow, p. 83.